

УДК 330 DOI: 10.14451/1.222.488

Инструменты государственного регулирования экономики после COVID-19

© 2023 **Федулов Дмитрий Владимирович**

кандидат экономических наук, доцент. Южно-Уральский государственный университет (Национальный Исследовательский Университет.) Россия, Челябинск.

E-mail: d373@rambler.ru

Ключевые слова: инструменты, государственное регулирование экономики, глобальный кризис, COVID-19, инвестиции.

Последствия COVID-19 оказали существенное негативное воздействие на мировую экономику. Следовательно, необходимы решительные государственные действия для стимулирования спроса, обеспечения замещающих доходов и поощрения новых инвестиций для возвращения к глобальному равновесию. В данной статье проведен анализ экономических последствий COVID-19, позволяющий понять, какие различные стратегии должны быть рассмотрены государствами для минимизации последствий пандемии.

Циклически повторяющиеся экономические и финансовые кризисы можно предвидеть, особенно когда обнаруживается разрыв между финансовой сферой и реальной. Как экономические и финансовые кризисы, пандемия COVID-19 не является новым явлением. Были и другие недавние примеры, такие как атипичная пневмония, птичий грипп, Эбола, которые в итоге оказались менее смертоносными, чем эпидемии прошлого века, испанский грипп, также известный как пандемия гриппа 1918 года, азиатский грипп и так далее [2].

Как и в каждом из кризисов, догма доминирующей неоклассической экономики – пусть рынок делает свое дело – отбрасывается, а либеральные правила, которые она вдохновила (сбалансированные бюджеты, независимость центрального банка и т. д.), отбрасываются раз-

витыми странами. Очевидно, что экономические и социальные издержки этой пандемии будут значительными: дестабилизация экономик, деградация структуры мировых финансов, безработица и неустойчивость целых регионов, нарушение логистических цепочек, фактическая остановка деятельности и путешествий и т. д. Сегодня все острее встает вопрос о том, следует ли пересмотреть и обратить вспять процесс глобализации, лежащий в основе гипермобильности людей.

Более того, эта ситуация просто напомнила нам, что здоровье экономики тесно связано со здоровьем общества, как в реальном, так и в символическом смысле. Таким образом, выбор, сделанный правительствами для оживления своих экономик, и в частности поиск общих социальных, экономических и экологических

выгод в рамках стимулирующих инвестиций, станет определяющим фактором более прочного восстановления.

В то время, когда появляются первые признаки улучшения ситуации, некоторые страны начинают задумываться о следующем этапе восстановления экономики и о роли решительных государственных мер по стимулированию спроса, обеспечению доходов замещения и поощрению новых инвестиций. Это остается ключевым вопросом, поскольку государства решили прекратить большое количество мероприятий на этапе сдерживания. Все это заставляет нас задуматься о цене этого кризиса и, главным образом, о роли государства после пандемии в стимулировании экономики и поощрении новых инвестиций для возвращения к глобальному равновесию.

Чтобы ответить на эти вопросы, краткое представление всех экономических рецессий, которыми были отмечены последние семь десятилетий, позволит нам определить место и изучить общую цену кризиса здравоохранения COVID-19. Хотя роль государства, по мнению экспертов и чиновников, является решающей, единственная проблема заключается в том, что они не полностью согласны друг с другом.

Китай, экономика которого интегрирована в глобальные цепочки создания стоимости, обладающий долей в 15,8% мирового ВВП и 12,8% мирового товарного экспорта считается одной из самых мощных экономик, поскольку в настоящее время он занимает второе место в мире [4]. После экспоненциального роста числа инфекций в мире были приняты меры по сдерживанию распространения инфекции, чтобы справиться с этой беспрецедентной глобальной проблемой.

Очевидно, что кризис COVID-19 резко повлиял на глобальную социально-экономическую ситуацию и продолжает воздействовать. С макроэкономической точки зрения, все показатели резко снизились, что привело к росту государственного долга, ярко выраженному дефициту бюджета, ухудшению разрыва платежного баланса

и существенному сокращению национального производства и валютных резервов в прошлом году.

Однако точная количественная оценка негативных последствий кризиса для мировой экономики представляется первостепенной задачей. Это означает, что все еще существует огромная неопределенность относительно сроков, масштабов кризиса и влияния критериев, принятых для его смягчения.

Рассмотрим экономические спады и восстановление, произошедшие в прошлом.

Существует мало работ, посвященных рецессиям, которые потрясли мир. Так, Kose & al. (2020) предоставляют первый всеобъемлющий отчет о глобальных рецессиях, используя выборку данных, собранных примерно по 181 стране с 1950 по 2019 год [6]. Согласно этому исследованию, с 1950 года было четыре глобальных рецессии: в 1975, 1982, 1991 и 2009 годах [2]. Ежегодный реальный ВВП на душу населения сокращался во время каждой из этих рецессий. По рыночным обменным курсам ВВП на душу населения сократился в среднем на 1,3%, а в годы экономического роста – на 2,2% [9]. С учетом обменного курса по паритету покупательной способности (ППС) объем производства на душу населения сократился в среднем на 0,8%, в то время как в годы бума он увеличился в среднем на 2,5% [5].

Отметим, что эти спады были синхронизированы на глобальном уровне с серьезными экономическими и финансовыми потрясениями в нескольких странах. Каждое из них совпадало с рецессией в США.

Кроме того, кризис 1975 года был проигнорирован первым нефтяным шоком, который, по сути, был шоком предложения. Рост цены барреля нефти привел к настоящей инфляционной спирали в индустриальных странах.

Что касается кризиса 1982 года, то он был вызван стечением целого ряда факторов, не вполне независимых друг от друга, в частности, вторым нефтяным шоком, ужесточением политики в отношении цен на нефть, денежно-кредитной по-

литики [2]. Это ужесточение денежно-кредитной политики и падение цен на сырьевые товары привели к кризису суверенного долга.

Эпоха рецессии 1991 года также характеризовалась рядом факторов, таких как рост геополитической неопределенности и нефтяной шок, вызванный войной в Персидском заливе, банковские кризисы в США и скандинавских странах, ипотечный крах в Японии, ужесточение монетарной политики в Европе в связи с кризисом Европейской валютной системы и воссоединением Германии, а также резкий переход стран бывшего социалистического лагеря к рыночной экономике после распада СССР [2].

В отличие от эпизодов, исследованных с 1950 года, только рецессия 2009 года, ознаменовавшаяся падением мирового производства, стала крупным событием. Этот кризис субстандартного кредитования был спровоцирован «лопанием пузырей» на рынке жилья и банковскими кризисами, сначала в США, а затем и в ряде других развитых стран [2].

Однако сроки восстановления экономики варьируются от шести (в случае шокового восстановления 1975 года) до семнадцати лет (в случае восстановления после рецессии 1991 года). Kose & al. (2020) пришли к выводу, что глобальные рецессии и восстановления не характеризуют различные группы стран одинаково [5]. Во время глобальных рецессий рост производства на душу населения в развитых странах снижался сильнее, чем в развивающихся: Восточная Азия и Южная Азия даже продолжали расти.

Таким образом, рецессия 2009 года по-разному повлияла на разные страны. Развитые страны приняли на себя основную тяжесть рецессии, поскольку восстановление производства и роста производства на душу населения в них было слабее по сравнению с предыдущими глобальными рецессиями. Поэтому некоторые страны столкнулись с трудностями при оздоровлении своих финансовых систем и сильном восстановлении внутреннего спроса. Хотя в развивающихся странах во время кризиса субстандартного

кредитования наблюдался положительный рост производства [12].

Стоит напомнить, что этой рецессии, которая характеризует последнее десятилетие со вспышкой кризиса субстандартного кредитования и всеми эксцессами все более глобализирующегося финансового капитализма, предшествовало «лопание спекулятивного пузыря» в 2000–2001 годах [8]. Последний имел последствия для деятельности новой экономики: сотрясение международного экономического каркаса, мошеннические банкротства крупных компаний, которые заставили государства пересмотреть механизмы финансовой безопасности и т.д. Это вызвало попытку создания новой финансовой системы. Это привело к попытке морализировать капитализм и к реформам, укрепляющим финансовую безопасность.

В основе этого лежит тот факт, что, хотя недавней глобальной экспансии исполнилось 10 лет в 2019 году перед COVID-19, она совпадает с самой продолжительной экспансией в истории США и самым медленным ростом мировой торговли и потоков капитала.

Далее рассмотрим воздействие пандемии COVID-19 на экономику: приведёт ли это к новой глобальной депрессии? Ожидается, что глобальное промышленное развитие, которое замедлилось в 2019 году из-за торговой напряженности между развитыми странами и Китаем, продолжит снижаться из-за экономических потрясений, вызванных кризисом COVID-19.

Эта информация основана на предварительных скорректированных на сезонность данных официальных индексов промышленного производства (базовый 2015 год), собранных Статистическим отделом ЮНИДО [10]. Последний ограничил свой анализ группами стран, пострадавших от ограничений в первые месяцы COVID-19. На протяжении всего 2019 года в мировой обрабатывающей промышленности уже наблюдалось устойчивое снижение темпов роста производства. Особенно заметное сокращение производства отмечалось в промышленно развитых

странах.

В конце 2019 года Китай все еще демонстрировал высокие квартальные темпы роста – более 5%. Позже, в первые два месяца 2020 года, в Китае наблюдается резкое сокращение производства, что можно объяснить началом действий ограничений в Ухане и других регионах с целью сдержать пандемию COVID-19. Пока неясно, как быстро Китай восстановится, после ограничений, введенных в первом квартале 2020 года.

Промышленно развитые страны начали 2020 год с дальнейшего снижения промышленного производства, которое усугубилось ограничительными мерами, принятыми в дальнейшем. Индекс мирового промышленного производства также показывает резкое снижение, вызванное в основном большим вкладом Китая в мировую промышленность.

С другой стороны, отметим, что мировое промышленное производство стабилизировалось после экономических потрясений, вызванных кризисом здравоохранения COVID-19, и достигло докризисного уровня в сентябре 2020 года. Недавно опубликованные данные показывают, что восстановление в регионах происходит по-разному: в то время как промышленное производство в Китае достигло годового роста с июня, в ряде промышленно развитых стран сохраняются отрицательные годовые темпы роста. Это связано с тем, что с осени эти страны расширили меры сдерживания.

Таким образом, имел место резкий спад, вызванный кризисом здравоохранения, и постепенное восстановление во второй половине 2020 года. В декабре мировое производство в обрабатывающей промышленности достигло темпов роста в 3,2% в годовом исчислении, чему в первую очередь способствовали положительные показатели Китая. Однако, китайский сектор обрабатывающей промышленности быстро восстановился: за 3 месяца рост производства составил более 9%. Данные о динамике производства в Латинской Америке также свидетельствуют о том, что восстановление идет полным ходом:

в декабре 2020 года темпы роста в годовом исчислении составили 3,8% [2].

В то время как промышленно развитые страны продолжали бороться с экономическим кризисом и кризисом здравоохранения. Европа с темпом роста +0,1% и Восточная Азия с 0,0%, таким образом, зафиксировали в декабре 2020 года стагнацию производства по сравнению с тем же месяцем 2019 года. В Северной Америке, напротив, производство сократилось на 2,6% [3; 10].

Таким образом, любое экономическое восстановление в значительной степени зависит от развития пандемии, которое, в свою очередь, зависит от возможности эффективной и повсеместной вакцинации. В Китае экономический подъем был быстрым, но неравномерным, причем потребительские услуги отстают от промышленного производства.

Мировая торговля в 2021 году демонстрировала стагнацию. Закрытие границ и перебои в поставках прервали международные поставки товаров и услуг. Торговля товарами падала быстрее и восстанавливалась быстрее, чем во время мирового финансового кризиса. Этому способствовало замещение спроса со стороны услуг на производство, а также как устойчивость глобальных цепочек создания стоимости. В отличие от этого, торговля услугами остается на низком уровне, отчасти из-за ограничений на поездки, сдерживающих туризм. Медленное восстановление торговли услугами - ключевого двигателя роста торговли после мирового финансового кризиса - приведет к снижению интенсивности торговой деятельности.

Согласно результатам исследования экономического влияния на авиаперевозки COVID-19, проведенного ИКАО, в марте 2020 года во всем мире было сокращено 38% мест по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. Количество пассажиров сократилось на 54% до 198 млн. человек из-за снижения коэффициента загрузки. Наибольшее снижение числа пассажиров произошло в Азиатско-Тихоокеанском регионе

(85 млн), за ним следуют Европа и Северная Америка с 50 млн и 35 млн пассажиров соответственно [5].

Кроме того, спад авиаперевозок вызвал серьезные финансовые трудности для всех участников отрасли. В марте прошлого года авиакомпании потеряли почти 28 миллиардов долларов, а аэропорты и поставщики навигационных услуг на воздушном транспорте – около 8 миллиардов долларов и 824 миллиона долларов соответственно. Судя по последствиям этой пандемии, мир только что пережили беспрецедентную рецессию, которая разрушила экономическую активность во всем мире и, соответственно, рынки труда.

Очевидно, что сокращение рабочего времени во всем мире будет фиксировать двузначные проценты сокращения рабочих мест. Согласно квартальным оценкам Международной организации труда, половина общей потери рабочих часов в 2020 году приходилась на второй квартал года.

Действительно, между регионами наблюдаются значительные различия. Как доля населения трудоспособного возраста, так и потери рабочих часов были самыми высокими в Северной и Южной Америке и самыми низкими в Европе и Центральной Азии, где сокращение рабочих часов широко поддерживалось схемами сохранения рабочих мест, особенно в Европе.

Несмотря на корректировку за счет сокращения рабочего времени, потери рабочих мест в 2020 году все же были масштабными и составили 114 миллионов рабочих мест по сравнению с докризисным уровнем занятости в 2019 году [11]. Однако эта оценка недооценивает весь масштаб потери рабочих мест: сравнение со сценарием отсутствия пандемии показывает гораздо больший дефицит в 144 миллиона рабочих мест [11].

Эта новая ситуация подтверждает, что мы столкнулись с самым тяжелым глобальным кризисом со времен Второй мировой войны. Кроме того, пандемия COVID-19 оказала резкое воздействие

на страны третьего мира, где возможности и ресурсы крайне ограничены и где необходимо пересмотреть свою экономическую и социальную политику, чтобы избежать наихудшего сценария.

Рассматривая глобальные перспективы и восстановление экономики после рецессии Ковид-19, отметим, что мир столкнулся с экономической депрессией, более серьезной, чем та, которая наблюдалась во время мирового финансового кризиса 2009 года. В 2021-2022 году произошло частичное восстановление экономики с темпами роста выше тренда, но уровень ВВП останется ниже тренда, и сила восстановления весьма сомнительна. Вероятны и гораздо худшие результаты [10]. Это произойдет, если пандемия и применение мер по ее сдерживанию продолжатся, если страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны пострадают еще сильнее, если финансовые условия останутся ограничительными, или если будут широко распространены последствия закрытия предприятий и длительной безработицы.

В процессе преодоления кризисных явлений решающее значение имеют политика в области здравоохранения и экономическая политика. Для стран третьего мира стало необходимым принятие других мер в дополнение к этим двум политикам. Прежде всего, необходимо проводить социальную политику, чтобы обеспечить беднейшим слоям общества основные условия для достойной жизни. Впоследствии возникла необходимость принятия стимулирующих мер для поиска структурных решений по сокращению неформального сектора.

В целом, по оценкам Всемирного банка, в 2020 году мировая экономика сократилась на 4,3%, что на 0,9% меньше, чем предполагалось [3]. В странах с развитой экономикой первоначальное сокращение было менее сильным, чем ожидалось, но последующее восстановление сдерживалось возвращением COVID-19.

Согласно прогнозу МОТ (2020), пандемия COVID-19 может увеличить число безработных в мире с 5,3 миллиона человек (согласно ее самому оптимистичному сценарию) до 24,7 мил-

лиона (согласно ее самому пессимистичному сценарию), что в последнем случае намного больше, чем после финансового кризиса 2008 года.

Хой и Ортис-Хуарес (Hoy, & Ortiz-Juarez, 2020) попытались оценить краткосрочное воздействие пандемии COVID-19 на глобальную бедность через сокращение доходов или потребления домохозяйств на душу населения [13]. Их оценки основаны на трех сценариях: Первый – сокращение дохода или потребления на 5%, второй – сокращение на 10% и третий – сокращение на 20%. В каждом сценарии исследователи наблюдали за вероятным развитием бедности, используя три различные международные черты бедности: \$1,90, \$3,20 и \$5,50 в день [13]. Их оценки показывают, что пандемия COVID-19 представляет собой реальный вызов для достижения цели ООН в области устойчивого развития – искоренения бедности к 2030 году, поскольку глобальная бедность может увеличиться впервые с 1990 года и, в зависимости от черты бедности, это увеличение может означать откат примерно на десятилетие назад в прогрессе, достигнутом во всем мире в сокращении бедности.

В некоторых регионах негативные последствия могут привести к уровню бедности, аналогичному тому, который был зафиксирован 30 лет назад. В наиболее экстремальном сценарии 20% сокращения доходов или потребления число людей, живущих в бедности, может увеличиться на 420–580 миллионов человек по сравнению с последними официальными данными, зафиксированными в 2018 году [3].

В целом, глобальная рецессия 2020 года оказалась несколько менее выраженной, чем ожидалось ранее, благодаря более слабому сокращению в странах с развитой экономикой и более уверенному восстановлению в Китае, тогда как в большинстве других стран с формирующимися рынками и развивающихся экономик рецессия была более глубокой [10]. Согласно прогнозам, глобальная активность останется значительно ниже прогнозов, сделанных до пандемии, по-

скольку восстановлению экономики препятствуют затянувшиеся последствия пандемии.

Глобальная экономика замедлилась после того, как правительство приняло меры по снижению воздействия COVID-19 (Baldwin & Weder di Mauro, 2020) [1]. Это вызвало негативные последствия для экономической и социальной сферы стран всего мира. Поскольку это внешний шок, можно также ожидать роста инфляции после его сдерживания из-за астрономических долгов, нарушения цепочек поставок, как это было после двух мировых войн.

Риск заключается в том, что после окончания рецессии потребление снова вырастет, не только из-за эффекта отсрочки, но и потому, что основным двигателем экономики наших обществ является потребление. Таким образом, если покупательная способность сохранится в результате частичной безработицы, то каждое увеличение спроса домохозяйств будет способствовать росту цен, поскольку производство не сможет поспевать за текущими условиями.

Рецессия – это не только шок предложения, но и шок спроса. Поэтому нет уверенности в том, что спрос на товары и услуги восстановится более активно, чем предложение (Miles & Scott, 2020) [7]. Трансформация трудового законодательства в ряде стран оказывают негативное давление на заработную плату, а значит, и на цены. Таким образом, кризис в основном затрагивает пожилых людей в капиталистических странах, которые в большей степени являются потребителями, чем производителями. К этому можно добавить еще один аргумент, что значительная часть созданных денег будет перенаправлена в неинфляционные активы, а именно в финансовые активы и недвижимость. Возможно, дефляция более вероятна, чем инфляция, поскольку бывший главный экономист МВФ Кен Рогофф отмечает, что мы столкнулись с таким обвалом цен на сырьевые товары и мировой торговли, какого мы не видели с 1930-х годов [6].

Такое разнообразие экспертных мнений в эпоху рецессий выдвигает на передний план одно из

измерений научной деятельности – противоречия, сопутствующие ей. В экономике эксперты и менеджеры формальны, проблема лишь в том, что они не согласны. Эта трудность должна быть преодолена политиками и управляться таким образом, чтобы создать коллективный консенсус, по крайней мере, на уровне каждой страны.

Безусловно, при тщательном определении любой экономической реконструкции государства должны будут сохранить три основополагающих элемента, а именно: Вопрос безопасности, проблема финансирования бюджетного дефицита, а значит, и задолженности, и проблема динамического баланса предложения и совокупного спроса.

Модель общего равновесия строится на основе так называемого микроэкономического подхода, т. е. поведенческие гипотезы агентов берутся изолированно. Таким образом, эта модель позволяет описать экономические механизмы и условия закономерной эволюции. В настоящее время мир находится вне глобального макроэкономического равновесия. Эта ситуация обязывает государства сблизить предложение и мировой спрос. Таким образом, мы наблюдаем возвращение к стратегической роли государства и, следовательно, к знаменитой кейнсианской модели и теории дисбалансов. Если государство должно обеспечить регулирование между предложением и мировым спросом, оно также должно позволить экономическим субъектам предлагать необходимое количество достойных рабочих мест.

Текущая пандемия подчеркнула важность безопасности, ухода и персональных услуг, наряду с основной коммерческой деятельностью и логистикой. Таким образом, новые цифровые технологии показали свою решающую роль во времена сдерживания и будут продолжать массовый рост удаленной работы во всех секторах.

Более того, динамическая корректировка спроса и предложения будет еще более острой при экономической стабилизации энергетических систем. Как полагают ряд экономистов Оксфорд-

ского университета и Джозеф Стиглиц, лучшим выбором для обеспечения успешного восстановления экономики после кризиса COVID-19 является переход к «зеленой» энергетике [2].

Если изначально ограничения, вводимые в экономике, были негативным (и, следовательно, инфляционным) шоком предложения, поскольку препятствовали производству определенных типов фирм, то последующие эффекты схожи с негативным (и, следовательно, дефляционным) шоком спроса. Рецессия – это не только шок предложения, но и шок спроса. Таким образом, нет уверенности в том, что спрос на товары и услуги восстановится более активно, чем предложение. С экономической точки зрения, такая ситуация крайне серьезна, поскольку может завести мир в порочный круг (снижение активности приведет к увеличению числа безработных, что в свою очередь приведет к снижению потребления и инвестиций, что еще больше снизит экономическую активность и так далее).

Поэтому кризис масштаба COVID-19 требует проведения масштабной политики, а именно: бюджетной политики, монетарной политики и макропруденциальной политики.

Бюджетная политика заключается в изменении расходов и доходов для влияния на экономическую ситуацию (стимулирование экономической активности: снижение налогов для поощрения потребления и инвестиций). Во время кризиса эта политика должна применяться более масштабно, чтобы оживить экономику. Для реагирования на кризис 2008 года бюджетная политика в развитых странах сочетала два механизма, один из которых описывается как прямой через государственные инвестиции в крупные инфраструктурные проекты, а другая – косвенная, путем снижения налогов и увеличения социальных выплат.

Но масштаб COVID-19 требует масштабного плана экономической поддержки, аналогичного плану Маршала, реализованному в США для стран Западной Европы после Второй мировой войны [2]. Все меры бюджетного стимулирова-

ния, принятые в разгар кризиса, привели к крупному государственному дефициту. В такой ситуации страны сталкиваются с необходимостью финансирования этих дефицитов, будь то за счет долгов или займов на финансовых рынках. В обычное время все страны выпускают облигации, чтобы занять деньги на финансовых рынках под процентную ставку.

Однако возникает вопрос, что некоторые страны больше других пострадают от этого кризиса. Это означает, что некоторые страны будут иметь больший государственный долг, чем другие.

Денежно-кредитная политика. В условиях крайней неопределенности монетарная политика работает лучше, когда она реагирует только на текущую инфляцию, а не на прогнозы инфляции, которые ненадежны. Для центральных банков с процентными ставками, уже близкими к нулю, некоторые исследователи вновь выступили за отрицательные ставки, когда рынки больше не верят, что количественное смягчение достаточно для поддержания инфляции на целевом уровне.

Макропруденциальная политика должна сопровождать монетарную и бюджетную политику, чтобы ограничить экономический коллапс. В недавнем исследовании Drehmann & al. обобщается спектр инструментов, доступных в настоящее время макропруденциальным органам, и утверждается, что банкам следует разрешить использовать резервы ликвидности и капитала для увеличения кредитования реального сектора экономики. Таким образом, подчеркивается решающая роль государственной поддержки банковской системы, включая приостановление действия пруденциальных стандартов, гарантии

активов и государственную собственность, для содействия возвращению реальной экономики к нормальной жизни.

Итак, отметим, что пандемия COVID-19 напомнила нам о том, что выбор, который предстоит сделать государствам для восстановления экономики и, следовательно, более устойчивого общества, можно сделать, только путем трансформаций. Столкнувшись с реальными проблемами и финансовым стрессом, любое восстановление экономики должно сохранять потребности двух временных императивов: краткосрочные потребности как можно быстрее сбалансировать предложение для создания достойных рабочих мест и оживить спрос на товары и услуги. Хотя снижение процентных ставок является возможной реакцией центральных банков, шок – это не просто проблема управления спросом, а многогранный кризис, который потребует ответных мер монетарной, бюджетной и макропруденциальной политики. Таким образом, долгосрочные потребности должны обеспечить устойчивый экономический рост и большее процветание.

Кризис COVID-19 выявил как недостатки и уязвимость, особенно в отношении неформального сектора, так и решающую роль государства в поиске новой, более справедливой, поддерживающей и устойчивой модели защиты работников, государства, бизнеса.

Необходимо гораздо больше инвестировать в здравоохранение и научные исследования на государственном уровне, а также внедрять более справедливые и устойчивые модели развития как в самых богатых странах, так и в самых бедных.

Библиографический список

1. Болдуин Р., Ведер ди Мауро Б. Смягчение последствий экономического кризиса, вызванного COVID: Действуйте быстро и делайте все, что потребуется. – 2020.
2. Булакисли А. Экономическая реконструкция в преддверии кризиса с коронавирусом (COVID-19): Грандиозный поворот к государству // . – 2020. – С. 137–158.
3. Глобальные экономические перспективы. – 2021.
4. Дайнан К. Институт международной экономики Петерсона (PIIE). Пандемия ввергнет мир в рецессию; восстановление будет неоднозначным. – 2020.
5. Косе М. А., Сугавара Н., Терронес М. Э. Глобальные рецессии. (W. B. Group, ред.) Рабочий документ по исследованию политики (9172), 71. – 2020.

6. Лилли А., Рогофф К. Политика отрицательных процентных ставок в мире после COVID-19. — 2020.
7. Майлз Д., Скотт А. Восстановится ли инфляция после окончания кризиса? — 2020.
8. Макроэкономические последствия COVID-19: могут ли негативные потрясения предложения вызвать дефицит спроса? (Исследование N. В., ред.) Серия рабочих документов NBER (26918) / В. Геррьери [и др.]. — 2020.
9. Малишевскан М., Матту А., ван дер Менсбруг-ге Д. Потенциальное воздействие COVID-19 на ВВП и торговлю: предварительная оценка. (W. В. Group, ред.) Рабочий документ по исследованию политики (9211). — 2020.
10. Мировое промышленное производство в декабре 2020 года / Статистика ЮНИДО. — 2021. — URL: <https://stat.unido.org/content/publications/world>.
11. Мониторинг MOT: COVID-19 и мир труда. Седьмое издание / Международная организация труда. — 2021.
12. Перспективы мировой экономики / Международный валютный фонд. — 2020.
13. Самнер А., Хой С., Ортис-Хуарес Э. Оценки воздействия COVID-19 на глобальную бедность. Расширенный рабочий документ, 43/2020. — 2020.